

Когда машина отъехала от калитки, Ирина Сергеевна еще долго провожала ее взглядом, не заходила в дом. Хорошая машина, дорогая. У ее детей таких автомобилей нет, хотя и вкалывают всю жизнь, как лошади. У них вот с Иванычем и вовсе никакой машины нет — так и пилят всю жизнь на дачу на рейсовом автобусе. Зятя изредка подвозят, когда могут.

Не удосужились они с машиной как-то. Иваныч всю жизнь был с техникой на «ты», по молодости от завода на уборку в колхоз ездил, комбайн доверяли. Уедет на два месяца, вернется — лицо чернущее от загара, усы отпустит, дети не узнают, пугаются, плачут. А вот за руль Иванычу нельзя было — зрение рано подвело. Иваныч говорил жене по молодости: «Давай возьмем «Запорожец», ты за руль сядешь». Но где там! В те годы машин-то было — раз-два и обчелся, а чтобы еще и женщина за рулем — вообще невидаль! Ирина Сергеевна долго потом жалела, что не выучилась на права. Когда под конец девяностых

все стали подержанными иномарками обзаводиться, все за руль сели — и мальчики, и девочки, и бабки даже старые.

— Ирааа! Ну Ира! — Ирину Сергеевну окликнула через забор соседка, которая стояла на своем участке. — Опять он, что ли, за свое, да? Вот пристал же!

Ирина Сергеевна повернулась и пошла к заборчику, который разделял ее и соседкин участки.

— Да продай ты ему уже участок! Хорошие же деньги дает. Твоих уже сюда ни шашлыком, ни бассейном, ни каким другим калачом не заманишь. Только вдвоем с Иванычем еще и пурхаетесь.

— Ага, продай, — усмехнулась Ирина Сергеевна. — Ты вот свой что ж не продаешь?

— Твой-то участок на первой линии — подъезд есть, а мой на второй — чтобы подъехать, крюк надо сделать, и машину поставить некуда. Бросаем у конторы и пешком чапаем, — сказала соседка. — Ты вот свой не продаешь, и мой не берут.

Это была суцая правда. Казалось бы, какая разница: участки одинаковые, а вот соседский участок сам по себе никого не интересовал. Соседка часто приезжала на дачу на автобусе и просила пройти через Ирин участок, чтобы не кружить. Ирине Сергеевне не жалко: соседи хорошие, давние, отношения с ними сложились приятельские, Иваныч даже калитку в межевом заборчике сделал, чтобы удобнее было в гости ходить.

Этот, который на джипе сегодня приезжал, так и сказал, что взял бы оба участка, но Ирина Сергеевна уперлась, а участок без подъезда ему не нужен — строиться неудобно будет.

— Как продашь-то? — тихо спросила Ирина Сергеевна. — Вся жизнь, можно сказать, тут.

И это тоже была чистая правда.

Участок Ирине Сергеевне и Иванычу достался, когда им стукнуло почти по сорок, в конце 80-х годов — нарезали от завода в чистом поле. Да ладно бы в поле — поле хотя бы ровное! А здесь одни холмы, все в каком-то кустарничке, змеи, ящерицы, сикарашек всяких полно. С кротами до сих пор бьются — настоящая война, в которой их фазенда на осадном положении.

В конце 80-х начались дела талонные: еды в стране вдруг резко стало не хватать, появились нормы отпуска, очереди, потом бу-

мажки эти. В 90-е на заводе, где работали Ирина и Иваныч, возникли перебои с зарплатой — то «Доширака» вместо денег дадут, то коробку пряников, то сухофрукты. Один раз дрянной диван удалось взять — лучше, чем ничего. Ели этот «Доширак», которого еще никто в глаза не видывал, и радовались: быстро, вкусно, экзотика, варить не надо! Сейчас такое даже на дачу не берут, простые макароны и то лучше. У них уже две девчонки, Леночке поступать скоро. Поэтому когда объявили, что завод будет землю под дачи раздавать, решили: берем!

В 80-е, до того, как вся эта свистопляска началась, дачи не у всех были. У крутых в основном. У Оппелей — жена в столовке директором работала. У Витковских — муж в снабжении. У Леночкиного одноклассника Мухина — папа начальник какой-то милицейский. За овощами и фруктами те, кто без дач, ходили в овощной магазин: ящик винограда купить, ящик помидоров — вообще не проблема. Сейчас подступись-ка к этому винограду! А у них свой.

С Витковскими-соседями дружили, те иногда звали на дачу за ранетками — приезжайте, погостите, сами себе нарвите, сколько хотите. Ирина Сергеевна с Иванычем брали девчонок, сидели на пароходик, ехали в товарищество, где у Витковских дача — хорошенький домик, река рядом, красота, природа, закаты. Ирина Сергеевна тогда тоже о таком мечтала. Но потом на даче погиб младший сын Витковских — бревна какие-то в воде рядом с причалом плавали, он на них прыгал и утонул. У Ирины все мечты после такого сразу как рукой сняло. И без дачи нормально. Это они потом участок заводской от страха взяли: ерунда какая-то в стране происходит — и с едой, и с деньгами, и с работой, и вообще.

Дача оказалась далеко от города. Каждые выходные собирались, брали Леночку — эта взрослая уже: когда хочет, когда нет. Но если дома оставить, хотя бы на машинке постирает, уберет, еды наготовит. Брали Олюшку, приезжали в чистое свое поле. Олюшка играет, бегаёт, Ирина Сергеевна — по лопате себе и Леночке, целину эту вспахивать, корни рубить, змей шугать. Леночка беленькая, на солнце сгорала махом. Олюшка — в Иваныча, черненькая, ту комары загрызали. Вот приедешь в воскресенье

вечером, завтра на смену, и конца-краю делам не видно: одна орет — волдыри во всю спину, другая плачет — ножки все в кровь расчесаны. Ну, и стирки, как обычно, мешок.

Иваныч сарай поставил первым делом. Нет, сперва все-таки туалет-скворечник поставили, чтобы лопаты оставлять. Ну, и не сидеть же с голой задницей в чистом поле. Сарай Иваныч потом в баню перестроил, а первое время в нем от дождя прятались. Грозы и ливня боялись: не столько страшно, сколько не вылезешь потом с этого участка. Если тепло, к остановке шли босиком, обувь в руках несли, перед остановкой на колонке мыли. Вода ледяная, из-под земли качают, но ничего, никто не умер. Ирина Сергеевна, когда маленькая была, летом обуви вообще не знала — детей шестеро, где матери столько обуви возьмешь.

Насосы что-то барахлить стали. Вода в садоводстве всегда по расписанию была: в день по часу, а теперь — этот час, еще и с перебойми, и пить ее нельзя — трубы ржавые. Ходят на колонку в соседнее садоводство, иногда дети из города привозят.

Поэтому Иваныч сразу как баню закончил, бочками занялся: с кем-то договаривался, грузовик искал, чтоб привезти. Рассчитывался тем, что холодильник кому-нибудь починит, с кладкой поможет, сантехнику какую-нибудь наладит — денег-то ведь не было особо за старые бочки платить. Хорошо, хоть ума хватило низко в землю бочки не вкапывать. Сколько малышей в этих бочках потонуло! Олюшка на даче у Витковских как-то нырнула в такую бочку, хорошо, рядом были, за ножки вытащили.

Ездили на эту дачу как — отдельная история. Три пересадки нужно было в черте города сделать, с трамвая на трамвай, потом на дачный автобус, на нем до конца, с автобуса еще пехом минут пятнадцать. Леночка один раз на дачу поехала, класс десятый, села не на тот автобус, заблудилась. Мобильников не было. Поторчала на остановке, села на обратный и вернулась, ничего в тот день не полила. Ирина Сергеевна не ругалась — домой вернулась, и то ладно. Все равно потом дожди пошли. Кошку брали в сумке на дачу, но та совсем сдурела по такой дороге — как дикая стала.

Уж сколько с этим огородом историй было! То ливнем грядки смочет, то градом выхлещет. То зимой яблони замерзнут. То червь,

то жук. То цветмет вынесут, даже сковородки и ложки алюминиевые. То стекла повыбьют, то в домике нагадят. Все исправили, все выходили.

А сейчас вот он, город — коттеджные поселки уже на самых подступах к их дальним дачам. Зачастили эти, которые на хороших машинах: продайте дачку да продайте.

Нет, Ирина Сергеевна как-то и сама дачу на продажу выставляла — хотела участок поближе к городу купить. Но по их цене никто не покупал: далеко, с водой не очень, леса нет, речки нет, озеро только, камышом заросшее, раньше купались, а сейчас только рыбалка в начале лета, пока еще совсем не закамышилось. А за дешево продавать не хотели: Иваныч дом такой построил — маленький, но хороший: первый этаж кирпич, печка железная на случай холодов, трубу в окно вывел. Иваныча с дачи теперь не выгонишь, выезжает в октябре по первому снегу. Как такой дом за три рубля отдать? Еще посмеялись: зачем дом такой хороший построил? Строил бы похуже, расставаться было бы не жалко.

— Как умею, так и строю, — сказал тогда Иваныч. — Тебе похуже построишь, критики потом не оберешься.

Объявление сняли.

Те, которые на джипах, они ведь еще в 90-е тут начали строиться. Но не капитально, а тоже дачи — коттеджи такие трехэтажные, все из кирпича, фонари, бассейны, по ночам визги, музыка. Потом подуспокоились.

Несколько лет назад стали в товариществе строиться таджики ли, узбеки — шут их разберет, короче, гастарбайтеры. Ирина Сергеевна сперва косо на них смотрела, а теперь с завистью. Появится сначала один, ну двое, берут участок какой-нибудь брошенный — через контору, официально, все взносы платят. Приедет потом их человек пять-десять, строят дом конкретный. Уж неизвестно, как они тут зимой живут, а может, и не живут, ведь ни света зимой, ни воды. Потом летом появляются бабы с ребятишками — несколько семей. Мужики еще могут в город ездить на работу, женщины — в огороде. Дружно так живут, работяги, вместе все. Урожаи у них приличные, Ирина Сергеевна даже как-то ходила, семена просила ради интереса. Ничего так баклажаны выросли в тот год. Безобразий больших от них нет.

Ну, еду часто во дворе готовят, запахи всякие. Ну, музыку свою слушают. Вполне приличные соседи.

Когда дачи гореть начали, на гастарбайтеров даже никто и не подумал. На этих, с машинами, думать стали. Сначала погорел Чепурнов-алкаш. Ну, тут ничего удивительного: пьет же. Чепурнов-то выскочил, а домик сгорел, там еще труп потом нашли. Полицию вызвали, те сказали: убийство, голова, что ли, проломлена. Чепурнов божился, что просто пили и все, головы не ломали. Неизвестно, что и как, Чепурнов долго не появлялся, потом участок свой продал. После сгорел Проскурин, с Иванычем раньше в одном цеху работали. На него ничего такого не подумаешь. Он потом к Иванычу зашел, рассказал, что, мол, странно как-то сгорело: в город за продуктами поехал, электричество отключил, баню не топил, шашлыков не жарил. Приезжает — веранда сгорела. Главное, аккуратно так. Хорошо, говорит, баба в городе в это время была. А так, представь, если бы она одна, да с внуками еще. Через неделю приехал к Проскурину кто-то из города: дачу продай. Проскурин уперся, веранду еще свою взялся налаживать. Через пару недель на том краю Ситниковы погорели, но те говорили, что сами виноваты: дети кипятильником в бане баловались. Он висит на стене, они бегают, вилку в розетку воткнули и смотрят. Дымиться начинает — вытаскивают. Баня шаять у них начала. Дети, главное, в предбаннике стоят и кричат: «Ааа! Огонь! Огонь!» Жопы потом долго у них дымились. Но все равно, как-то много случайностей — за одно-то лето. Столько лет жили — никаких пожаров. Проскурин в итоге дачу продал, ему в следующем году сердце прооперировали — в наклон нельзя, тяжести нельзя. Новый хозяин завез туда лес, кирпич. И так все и лежит лет пять уже, что случилось — неизвестно. Шальные деньги, видимо: как пришли, так и ушли.

В последние годы брошенных участков стало много. Через две улицы Эля-бабушка дачу бросила: старая стала, здоровье никакое, детям с ее дачи ничего не нужно. Серега-многодетный через улицу перестал приезжать. То хоть приедут раз за лето, вишню, облепиху оберут. Что вот их участки — не нужны никому? У Эльки уже не дом, а одни руины. У Сереги — сарай и заросли.

Да их-то детям с дачи много надо? Если мама на горбушечке

привезет, то возмут. Но у них работы много. У Леночки ребенок маленький: то болеет, то погода плохая, то едут куда-нибудь путешествовать. Раньше Леночка на даче и к экзаменам готовилась. Ягоду любила собирать. Бассейна не было, ей Иваныч ванну старую откуда-то притащил, отдраил, воды нальет. На крыше загорали. Ирина Сергеевна так боялась, что они эту крышу проломают. Но нет, Иваныч все предусмотрел. Один раз только Леночка с друзьями сессию отмечали, куст крыжовника спалили — мангал близко поставили. Иваныч тогда ей всыпал словесно-матерно. Леночка обиделась, на дачу ездить перестала. Крыжовник на следующий год очухался, плодоносить стал — ягоды с маленькую помидоринку. Леночка тогда сказала: «Ну вот, а ты меня тогда ругал». Иваныч ответил: «Ну чо теперь-то».

Олюшка, вот она еще может приехать. Олюшке дача нравится. Олюшка — крепенькая такая всегда была, крестьянская. Это Леночка — чахлик невмирущий: в детстве болела часто, под глазами синё, ела плохо — все время в тарелке ковырялась: это буду, это не буду. Иваныч ее за это звал: «Гнилая интеллигенция». Ну, и вот. Леночка, она теперь интеллигенция, а младшая ее — такая же в тарелке копошунья. На нее посмотришь: вылитая Леночка в детстве — такая же дохленькая, вредненькая, под глазами так же синё, и еще под носиком. Леночке говорю: проверь ей сердце да проверь.

Ирина Сергеевна, когда вышла на пенсию, стала по полгода на даче проводить. В город приезжает, только если Иванычу на работу надо, сутки-трое, фирму одну сторожит: ворота закрывает, за камерой следит. Не страшно ночью одному, в его-то возрасте? Говорит, не страшно. Ирина Сергеевна перевезла на дачу швейную машинку: когда урожая еще особо нет, шьет печворк — подушки, покрывала всякие из старого, благо, девки ей много вещей ненужных на дачу списывают. Дарит соседям — надо же чем-то на праздники поздравлять. Иваныч идет с конюховкой, Ирина Сергеевна — с накидушкой какой-нибудь.

Вот эти его сутки-трое — одно беспокойство. И за него переживаешь, и за дачу. Уедешь вот так, в городе переночуешь, приедешь потом к пепелищу. Ирина Сергеевна уже и не помнит, когда в городе лето проводила. В городе жарко, однушечка малень-

кая. А на даче — простор! Воздух! Иваныч особенно в однушке томится зимой, когда не на работу. На даче ему раздолье: хочешь копай, хочешь строгай, колоти, сверли — никто слова не скажет. Дома же ничего такого не поделаешь, дома-то уже все налажено и перечинено. Это на даче работы всегда бездна. Зимой Иваныч хандрить, толстеть начинает. Ему нельзя — давление. Читать, кино смотреть много нельзя — катаракта, оба глаза уже леченые. Однушка вообще-то Леночкина с мужем. Ирина Сергеевна сама предложила сменяться, когда старшая внучка родилась: им достаточно и одной комнаты, все равно по полгода на даче живут. Ни у Леночки, ни у Олюшки ипотеки нет, они с Иванычем всем помогли, этим Ирина Сергеевна особенно гордится. Когда урожай начинается, тут уже не до печворка. Тогда Ирина Сергеевна чаще в город наведывается — садится с урожаем на базарчике и торгует. Долго стеснялась: торгашка на старости лет. Потом ничего, все такие. Хорошо, зятя с машинами, подвозят с ведрами и сумками, когда могут. Картошку закопать-выкопать, это они тоже молодцы.

Леночка ей пеняла много раз: «Зачем тебе триста корней помидоров?» — «Как зачем? Вас, дураков, кормить». — «Мы не съедаем столько!» — «А ты закатывай!» — «Да это никто не ест уже! Круглый год свежие овощи можно в любом магазине купить!» — «А что там полезного, в твоих овощах из магазина?» — «А в твоих закрутках что?»

Поговорили, называется. Ели бы мамино из погреба, глядишь, может, и миллионерами бы стали. Самой сорок пять, ходишь вон в кедах, денег на нормальную обувь даже нет. О детях, вообще, подумай, гамно это нитратное им давать. Олюшка, та молодец, закрутки делает. Работа у Олюшки попроще, чем у Леночки, зато выглядит приличнее — и кольца, и маникюр, каблуки всегда. Ирина Сергеевна дачу Олюшке, если что, отпишет.

Ай, отпишет. Куда собралась-то? Не в закрутках дело-то. Леночка давно предлагала поменьше им с Иванычем на даче возиться, в санаторий съездить, мир посмотреть. Ну, какой мир, Леночка? Вот их мир, вот эти вот шесть соток. Когда эта дача появилась, Ирина Сергеевна сначала как-то взгрустнула: вот ей под пятьдесят уже, у станков настоишься, дома наломаешься, после работы

дача — пашешь как собака без просвета. Думала, дети вырастут, уйдут с мужем на пенсию... Ну, вот ушли. Разве это жизнь? А потом как-то... Друзья все здесь оказались, родственники рядом участки взяли, очень удобно и хорошо — все видимся, не то, что в городе.

Ирина Сергеевна — она сама, если забыли, деревенская. Родилась в деревне, после школы только в городе оказалась. Восьмилетку окончила и поехала в техникум поступать. Валя, ее сестра младшая, та шибко хотела десять классов окончить, сильно просила мать, чтобы ее в деревне оставили. Осталась наша Валя жить в людях ради аттестата. Потом стала портнихой и жила как белый человек. А сейчас — вот она, рядышком. Вон ее участок, если покричать, Валя ответит — это у них, как телеграф, мобильная связь тут плохая.

Вот и получается, что жизнь, она круг совершила — вышла Ирина Сергеевна из деревенской грязи в городские князи, а потом снова к земле вернулась. Теперь все, с землей до конца быть надо. Сколько сможет Ирина Сергеевна, столько и будут с Иванычем ковыряться. Если вдруг какие катаклизмы опять в стране — с едой ли там, с работой, — как эта Леночка, мать ее ети, выживать-то будет? Ничего же не умеет. Пять минут землю лопатой поковыряет и за спину держится. А у Ирины Сергеевны спина не болит, ей дача лучше всякого санатория. Они еще с Иванычем всех спасут. Иваныч вон погреб забетонировал, чтоб попрохладнее. Скважину свою бурить собираются, мотоблок купили — зарплату Иванычеву зря не фуфыкали. Всех, всех спасем, прокормим, выучим, если что. У Олюшки в этом году поступает, у Леночки — в следующем. Джип только этот отвадить, привязался, понимаешь, как ворон. Нет, все. То я ему еще говорила, что подумаем, а теперь только отказ. Сами еще тут поживем.